

оригинальная статья

Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв.

Высокова Вероника Витальевна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0002-5689-7166>

vyssokova@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2022. Принята после рецензирования 06.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Рассмотрена реконструкция исторического контекста формирования финансового капитализма в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. В центре внимания находятся кризис ценностей христианского канона и формирование рационалистической светско-ориентированной морали в свете нового представления о богатстве. Позиция автора определяется стремлением связать традиционный для отечественной историографии социально-экономический контекст развития Англии раннего нового времени с интеллектуальным климатом эпохи поздних Стюартов и началом правления Ганноверской династии. Заявленная проблематика рассматривается с трех точек зрения: 1) взаимосвязь экономической и политической конъюнктуры в контексте политики меркантилизма; 2) «казус» Компании Южных морей в качестве примера взаимодействия членов кабинета и дельцов Лондонского Сити; 3) анализ откликов современников на эту новую ситуацию в Англии начала XVIII в., в частности работы Д. Дефо «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли» (1719). Третий и принципиально новый момент расширяет интерпретационное поле заявленной проблематики. Значимость определяется возникновением двухполюсного мира бедных и богатых в странах Запада в начале XVIII в., когда на смену средневековой иерархии сословий приходит общество собственников.

Ключевые слова: меркантилизм, Компания Южных морей, финансовый капитализм, коррупция, Лондонское Сити, Мамона, Даниэль Дефо

Цитирование: Высокова В. В. Деньги, финансовые аферы и коррупция в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 283–291. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-283-291>

full article

Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England at the Turn of the XVII–XVIII Centuries

Veronika V. Vysokova

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0002-5689-7166>

vyssokova@mail.ru

Received 30 Mar 2022. Accepted after peer review 6 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article reconstructs the historical context that shaped the financial capitalism in England at the turn of the XVII–XVIII centuries. It focuses on the crisis of Christian values and the development of secular rationalistic morality. The author connected the socio-economic context of England in the early modern period with the intellectual atmosphere of the late Stuart era and the early Hanoverian dynasty. The problem is considered from three points of view: (1) economic and political situation in the context of mercantilism, (2) the South Sea Company as an example of the interaction between the corrupt cabinet members and the London merchants; (3) social attitude, e.g., D. Defoe's *The Anatomy of the Exchange Lane or the Exchange Trading System* (1719). The epoch under discussion saw the emergence of a bipolar world of the poor and the rich in Western Europe in the early XVIII century, when the society of landowners replaced the medieval hierarchy.

Keywords: mercantilism, South Sea Company, financial capitalism, corruption, London, Mammon, Daniel Defoe

Citation: Vysokova V. V. Money, Stock-Jobbing, and Corruption in England at the Turn of the XVII–XVIII Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 283–291. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-283-291>

Не можете служить Богу и Маммоне
(Мф. 6:24; Лук. 16:13)

Введение

Рубеж XVII–XVIII вв. оказался переломным в истории Английского королевства. Его взлет в социально-экономическом и государственно-политическом развитии объясняется в первую очередь становлением финансового капитализма, на что не часто обращают внимание, сосредотачиваясь на уникальном политическом устройстве. Мы обратимся здесь к политике меркантилизма как системообразующему фактору концентрации капиталов и их включению в решение задач государственного масштаба (строительство флота, ведения войн и т. д.). На втором уровне темы обратим внимание на роль частной инициативы в эпоху меркантилизма на примере Компании Южных морей. И, наконец, нас будет интересовать, каким образом произошло оправдание нового «идеала» служения «золотому тельцу». Собственно, все три аспекта темы нашли яркое проявление в самой громкой финансовой афере XVIII в. – крахе Компании Южных морей 1720 г. (South Sea Bubble). Актуальность темы определяется работами Т. Пикетти [1; 2], в которых автор, констатируя захват в XX – начале XXI в. финансовыми элитами ключевых властных позиций в мире, связывает возникновение двухполюсного мира бедных и богатых и неопоставимого неравенства людей в доходах с началом XVIII в., когда на смену средневековой иерархии сословий пришло общество собственников.

Долгое время оценка меркантилизма в истории Англии определялась точкой зрения А. Смита, который вынес ему приговор как заговору торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества [3]. И действительно, теоретиками меркантилизма в Англии в отличие от других стран (где, как правило, ими были представители бюрократии) являлись торговцы. Их идеи были положены в основу Навигационного акта 1654 г. [4, р. 47]. Переосмысление смитовской оценки меркантилизма в XX в. произошло в работах Э. Хекшера [5], Ч. Уилсона из Кембриджа [6], П. Диксона [7]. Они доказали, что меркантилистская система была временем впечатляющего, уникального роста в доиндустриальную эпоху. Это была коммерческая революция, в ходе которой «английский торговый класс был способен разбогатеть, накапливать капитал на посреднических операциях и на растущей судоходной отрасли, которая была необходима для перевозки дешевого сахара, табака, перца и солонины по океанским маршрутам»¹ [8]. В работах этих и других исследователей меркантилизм предстал в качестве инструмента превращения Англии в великую державу, анализ оказывался сосредоточен на тесной взаимосвязи

экономического и политического контекстов английской истории рубежа XVII–XVIII вв.

Ревизии оказался подвержен еще один из мифов вигской интерпретации английской истории – миф о слабом государстве в Англии XVII–XVIII вв. Система налогов и сборов, а также военно-морская мощь стали ключами к эффективности государства. Формирование новой фискальной системы имело в основном внутривластную направленность, в то время как строительство флота (в ситуации практически непрекращающихся войн рубежа XVII–XVIII вв.) в большей степени было связано с внешнеполитической угрозой, хотя обе эти тенденции пересекались в отчаянной схватке между Францией и Англией за влияние в Европе и колониальные рынки. При восторжении в январе 1689 г. на английский престол Вильгельма Оранского франко-голландская война переросла в войну Франции с Англией, а поражение английского флота при Бичи-Хэд 11 июля 1690 г., Якобитское восстание в Ирландии 1689–1691 гг. создали реальную опасность для власти нового короля. От решения финансовых проблем зависел исход Славной революции. Английским военным и правительству потребовались крупные суммы на создание флота и поддержание армии в Девятилетней войне (1688–1697).

Взаимосвязь экономической и политической конъюнктуры в контексте политики меркантилизма

Одним из основных источников доходов государства стала новая система прямого налогообложения. Законодательство 1692 г. о «предоставлении помощи Вильгельму и Марии Оранским в размере четырех шиллингов с фунта в течение одного года "на ведение энергичной войны против Франции"» считается поворотным моментом в истории налогов и сборов в Англии. Один из первых авторитетных исследователей в этом вопросе С. Доуэлл, автор «Истории налогообложения в Англии», и современные авторы сходятся в оценке решающей роли «нового регулярного прямого налога», названного земельным [9, р. 81; 10, р. 65]. Этот новый монетарный подход позволил правительству собирать в казну в период между 1692 г. и 1713 г. в среднем в год 4418 тыс. ф. ст., что само по себе было значительным шагом вперед по сравнению с аналогичными сборами в период правления Карла II и Якова II. Из этих более чем 4 млн в год земельные налоги составляли в среднем 1670 тыс. ф. ст., таможенные пошлины – 1114 тыс. ф. ст., акцизы – 1291 тыс. ф. ст. [11, р. 306].

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Однако в начале 1690-х гг. правительству пришлось прибегать к краткосрочным займам в ожидании будущих поступлений, и только к 1694 г. оформилось решение о долгосрочном государственном займе, который бы обслуживался созданным для этих целей Банком Англии. Сама идея принадлежала разбогатевшему на работоторговле в Вест-Индии У. Патерсону, который еще в 1691 г. изложил свой проект в брошюре «Краткое суждение о предполагаемом банке Англии». Он видел выход из сложившихся финансовых трудностей в следующем: а) собрать ссуду в размере 1,2 млн ф. ст., что станет уставным капиталом банка; б) при этом все заемщики войдут в правление банка; в) наделить банк банковскими привилегиями, включая выпуск банкнот [12]. Удивительно, но факт, всего за десять дней, в конце июня – начале июля 1694 г., необходимая сумма была собрана. Помимо короля и королевы, совместно внесших 10 тыс. ф. ст. – максимально разрешенный взнос, среди других подписчиков в 10 тыс. ф. ст. было еще одиннадцать персон [7, р. 257]. Более того, здесь оказались также первый лорд казначейства лорд С. Годольфин, внесший сумму в 4 тыс. ф. ст., философ Джон Локк – 500 ф. ст. и др. [13, р. 81; 14, р. 86]. Королевская хартия на создание банка была дарована 27 июля 1694 г.

Следует сделать пояснения относительно заинтересованности сторон в создании этого частного акционерного банка по обслуживанию государственного долга, т. к. мы столкнемся с этой схемой по ходу наших размышлений еще не раз. Правительство фактически одновременно получало необходимую сумму на строительство флота и погашение краткосрочных долгов – 1200000 ф. ст. Сумма была собрана в звонкой монете, а взамен вкладчики получали акции. Банк брал на себя обязательство обеспечить заемщикам 8 % годовых [15, р. 10–11]. За свою работу директора банка запрашивали сумму 4 тыс. ф. ст. в год, при этом надо понимать, что они же и являлись основными заемщиками. Банк становился игроком на рынке акций, и таким образом за счет прибылей плавающих цен на акции предполагалось погашать государственный долг. С этого времени привлечение частных средств для удовлетворения нужд государства стало постоянной практикой для английских, а затем и британских правительств. Должный спрос удавалось поддерживать благодаря высоким процентным ставкам ежегодного дохода в 6–8 %.

Новая модель взаимоотношений между частными кредиторами и правительством создавала прочную основу для предприимчивых финансистов, которые обещали вкладчикам хорошие дивиденды. Хотя адаптация к новым условиям финансового рынка проходила медленно, исполнение обязательств Банком определялось не в последнюю очередь тем, что вкладчиками как раз и были первые лица государства, а это обеспечивало парламентское согласие по вопросу о государственных займах. К успехам прямого налогообложения и государственного займа следует также отнести успешно проведенную денежную реформу в середине 1690-х гг. под непосредственным руководством знаменитого И. Ньютона, что укрепило фунт стерлингов

и определило его статус мировой обменной валюты. И уже к 1713 г. Королевский флот достиг мощи в своей знаменитой формуле «британский флот должен превосходить два следующих за ним по силе флота вместе взятых».

Теперь, когда мы рассмотрели, откуда и как изыскивались правительством средства на нужды военного времени, остановимся на практиках их реализации. Почти двести тысяч человек были поставлены под ружье [16, р. 247]. Армейские заказы покупались. Следует обратить внимание на то, что Вильгельм Оранский привез с собой в Лондон группу финансистов, которые стали поставщиками его армий. Мозес Мачадо и Фрэнсис Перейра снабжали его армии в Испании и Голландии, Соломон Медина обеспечивал поставки Мальборо во Фландрии, Джозеф Кортиссо снабжал английскую армию в Испании и др. П. Диксон показывает этот мир «космополитичной торговой плутократии Сити» и «верхушку» этого айсберга на момент 1709 г. Это – семьдесят четыре держателя акций Банка Англии на сумму в 5 тыс. ф. ст. или более. Десять из них имели еврейское происхождение [7, р. 263]. Голландская банковская система показала особенно оживленный интерес к английскому государственному долгу. Так и сама концепция центрального банка с самостоятельным выпуском банкнот была скопирована с Банка Амстердама, основанного в 1609 г. Однако если другие европейские банки того времени, такие как Банк Генуи, Венеции и Амстердама, были преимущественно депозитными банками, Банк Англии начал формировать свой собственный кредит в денежном исчислении, что положило начало монетарному обслуживанию финансовых продуктов.

При этом в условиях войны Банку Англии с трудом удавалось оставаться на плаву. А когда в 1710 г. к власти пришли тори, поднялась волна антикоррупционных расследований. Роберт Харли, ставший в августе 1710 г. канцлером казначейства и получивший в наследство от С. Годольфина необеспеченных долгов правительства на сумму более 8 млн ф. ст. и фактически пустую казну (сумма наличных, найденная Р. Харли в кассе казначейства, составляла чуть более 5000) [17, р. 135], взял курс на расследование казенных трат и, следовательно, на дискредитацию вигов. Когда новый парламент собрался в ноябре 1710 г., Р. Харли день за днем представлял палате общин подробные отчеты о понесенных долгах и скандальных расходах предшествующей администрации, публикуя эту информацию в прессе, постоянно добавляя новые детали и обстоятельства, пока в январе 1711 г. палата не согласилась назначить комитет для расследования трат по государственным займам. Очень быстро фокус следствия сосредоточился на главнокомандующем – герцоге Мальборо (единственном крупном виге, оставшемся у власти). 24 ноября 1711 г. палатой общин было возбуждено судебное расследование коррупционной деятельности герцога. И уже 29 декабря 1711 г. королева Анна подписала приказ об отставке Мальборо с поста главнокомандующего, не дожидаясь результатов расследования.

Сторона обвинения утверждала, что Мальборо за десять лет войны незаконно присвоил себе примерно 20 % средств, выделенных из казны на содержание армии. Его обвиняли в растратах, в сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении денежных взяток от союзников и врагов Англии. Было подсчитано, что главнокомандующий получил от поставщиков для армии взяток на сумму в 63619 ф. ст. [18, с. 219]. Всего сумма незаконно присвоенных средств Мальборо по разным оценкам составляла от 160 до 350 тыс. ф. ст. Главным фигурантом по делу выступил один из поставщиков – Соломон Медина, который сопровождал герцога в его европейских походах, ссужал ему деньги, помогал снабжать войска и стал ключевым источником разведанных. Герцог щедро за это платил (6000 ф. ст. в год) и имел проценты (2,5 %) по контрактам на поставку оружия, фуража и продовольствия. В ходе расследования выяснялась «нечистоплотность» поставщиков. Но, как бы то ни было, палата общин 267 голосами против 165 вынесла обвинительный вердикт Мальборо. Роскошный Бленхеймский дворец, инвестиции в акции Ост-Индской компании – все говорило об огромном состоянии герцога, который отправился в изгнание, так и не признав за собой вины.

Таким образом, взлет Английского королевства оказался обеспечен высокой концентрацией капиталов в стране, что задавалось, с одной стороны, аккумуляцией средств в цепи международной посреднической торговли и с другой – именно новыми финансовыми инструментами, ключевым из которых стал государственный заем или долг. На этом зиждился триумф политики вигских кабинетов в ситуации военного противоборства с Францией [16, р. 268]. Парадоксальным образом вигский лозунг 1688 г. «никакой постоянной армии» обернулся парламентской поддержкой драматического ее расширения. Дж. Плам пишет: «Странные эти виги! ...Они хотели захватить правительственную машину и запустить ее... Они чувствовали, что, учитывая полное покровительство короля, они могли заставить правительство работать как на национальные интересы, так и на свои собственные» [16, р. 247]. Э. П. Томпсон ставит вопрос: было ли это «государственным бандитизмом» [19, р. 285–286, 294]. Да, это был политический диктат узкой группы людей, но обеспечивший политическую стабильность. Сам же Э. П. Томпсон пишет: «Политическая жизнь в Англии в 1720-х гг. была чем-то наподобие "банановой республики". Каждый политик путем кумовства, заинтересованности и подкупа собирал вокруг себя преданных ему лояльных иждивенцев. Цель состояла в том, чтобы вознаградить их, дав им какую-нибудь должность, на которой они могли бы доить часть государственных доходов: армейские финансы, церковь, акциз... Крупнейшие землевладельцы, спекулянты и политики были людьми огромного богатства, чьи доходы возвышались, как Анды, над дождевыми лесами бедности простого человека» [19, р. 197–198].

Компания Южных морей

Меняем оптику исследования и сосредоточимся на Компании Южных морей, основанной в 1711 г. и создававшейся как десятки других торговых компаний. Ее возникновение оказалась напрямую связано с резкой сменой политического курса в 1710 г. – победой тори на парламентских выборах и их курсом на завершение войны. Так как Банк Англии находился в руках проигравших вигов, а в 1710 г. истекала выданная ему лицензия на осуществление банковской деятельности, новый глава казначейства Р. Харли пошел на изыскание средств из иных источников. Отчаянное положение правительства определялось задолженностью перед армией и флотом в сумме от 4 до 5 млн ф. ст. к концу 1709 г. Авторитетный исследователь Л. Нил считает эти цифры заниженными: «война увеличила британский государственный долг с 16,4 млн ф. ст. до 53,7 млн ф. ст.» [20, р. 90].

Первой заботой Р. Харли было найти 300 тыс. ф. ст. на выплаты в следующем квартале действующей на континенте армии под командованием Мальборо. Финансирование было предоставлено частным консорциумом в составе Эдварда Гиббона (дедушки будущего историка), Джорджа Косуэлла и Хор-банка (Hoare's Bank). Второй серьезной проблемой для казначейства стали краткосрочные долги правительства перед Банком Англии, некоторые из них должны были быть погашены в один или два месяца, и к декабрю 1710 г. составляли около 600 тыс. ф. ст. [17, р. 143]. В этой ситуации Р. Харли выступил с идеей лотерейного кредита и предоставил право провести лотерею Джону Бланту, управляющему Компании по производству рапир с полый заточкой (Hollow Sword Blade Company). Эта компания, несмотря на свое название, являлась неофициальным банком, т. к. это монопольное право было закреплено за Банком Англии. Продажи начались 3 марта 1711 г., а к 7 марта все билеты были распроданы, что сделало лотерею первой по-настоящему успешной английской государственной лотереей [21, р. 274–279]. Сразу за ней была проведена вторая лотерея. Вместе взятые они дали 3500 тыс. ф. ст. [22, р. 260], что позволило Р. Харли восстановить платежеспособность правительства и доверие к государственному кредиту, а также повысило степень лояльности Банка Англии и Сити.

Обратим внимание на Джона Бланта и Компанию Hollow Sword Blades. Она была основана в 1691 г. и в 1700 г. попала в руки «синдиката» дельцов, которые использовали компанию уже исключительно в качестве банка. Секретарем компании стал упомянутый Дж. Блант, юрист, специализирующийся на деловых и финансовых контрактах, новым управляющим – Элиас Тернер, ювелир с магазином на Ломбард-стрит, заместителем управляющего – Джейкоб Соубридж, выходец из деловой семьи. Четвертым партнером был Джордж Косуэлл, семья которого на протяжении многих поколений была представлена в палате общин. Целью «синдиката» было проникнуть в монополизированный Банком Англии бизнес по обслуживанию государственного долга и предоставлению ссуд правительству [23].

Компания, действовавшая исключительно как финансовое учреждение, занималась спекуляцией земельными участками в Ирландии (ликвидированными у якобитов), принимая денежные вклады и выпуская собственные банкноты. Это привлекло внимание Банка Англии, который сообщил казначейству, что их монополия нарушается. Казначейство не предприняло никаких действий, а в ситуации вокруг продления полномочий Банка Англии в 1710 г. этот «синдикат» выступил с альтернативным предложением взять на себя финансирование последнего займа, затребованного правительством. Банк Англии отреагировал снижением процентной ставки и преуспел в продлении своего устава до 1732 г. с более жесткими условиями сохранения своей монополии в качестве государственного банка. Триумвирату Тернер-Косуэлл-Соубридж пришлось отступить, но их звездный час был впереди.

Тяжелое финансовое положение правительства вынудило Р. Харли воспользоваться настойчивым предложением «синдиката». Компания Hollow Sword Blade преобразовывалась во вновь создающуюся Компанию Южных морей (далее – Компания) по следующей схеме, представленной Р. Харли парламенту в мае 1711 г. Он спроектировал ее так, чтобы объединить все государственные долги, которые на тот момент имели самые низкие процентные ставки на рынке, в ее основной капитал. Выплата процентов по таким ценным бумагам теперь теоретически обеспечивалась бы государственной рентой Компании в размере 6 % от капитала, конвертированного из старых долгов. Привлечение вкладчиков предполагалось обеспечить скорым миром с Испанией и получением права асьенто – монопольной торговлей рабами в южных морях (т. е. по большей части испанской Центральной и Южной Америки). Банк Англии был удовлетворен зафиксированным в Уставе компании запретом на ведение денежных депозитных счетов для клиентов Компании.

Создание Компании Южных морей было шагом и матом Р. Харли своим политическим и личным оппонентам. Этим шагом он сумел уравновесить конкурирующие интересы в свою пользу. Административный аппарат и капиталы Компания Южных морей унаследовала от компании Hollow Sword Blade. Управляющим компании был избран Дж. Блант. Ее директорами и держателями капиталов стали участники «триумвирата» Косуэлл-Соубридж-Тернер [24, р. 10]. Таким образом, Р. Харли создал альтернативу Банку Англии и с этого времени Компания Южных морей становится главным финансовым спонсором правительства. Громогласные обещания директоров Компании о баснословных прибылях с продаж рабов в испанских колониях поначалу привлекли потенциальных вкладчиков, однако право асьенто вступило в силу только в 1714 г., а последовавшая отставка Р. Харли и приход к власти вигов опять сформировали для «триумвирата» неблагоприятную политическую конъюнктуру.

Момент создания Компании Южных морей свидетельствует о формировании в Англии фондового рынка, основой которого являлись акции. Торговые компании, возникающие как акционерные общества, приобретали свой капитал путем продажи акций. Со временем возник вторичный рынок – рынок акций, или фондовый рынок, который сформировался в Лондоне в первые два десятилетия XVIII в. Этот рынок пока еще не был сосредоточен в одном месте. Сделки происходили в нескольких местах. Покупатель или продавец могли перейти в головной офис торговой компании, например Ост-Индской, или здание Банка Англии и найти там кого-то, кто хотел продать или купить акции. Сделки также могли проходить в кофейнях Обменного переулка (Exchange Alley), таких как Jonathan и Garraway. А если кому-то было неудобно посещать кофейню или идти в головной офис компании, можно было использовать известного брокера, который покупал и продавал акции. Фактическая передача права собственности происходила в тот момент, когда продажа была зарегистрирована в соответствующей компании. Право собственности юридически определялось уставом соответствующей компании и давало право физическому лицу потенциально принимать участие в делах компании, в ряде случаев быть избранным в Совет директоров, а самое главное, давало лицу право на поток дивидендов или убытки. Появились т. н. джобберы (stock-jobbers) – те, кто покупал и продавал акции для получения прибыли на разнице цен, но в отличие от брокеров джобберы брали на себя гораздо больший риск, покупая ценные бумаги за свои деньги. Ряд печатных изданий начали информировать текущих и потенциальных инвесторов о развитии событий на рынке ценных бумаг, размещая регулярно информацию о последних ценах на акции. Так как право собственности на акцию было четко определено и легко передавалось, а цены были прозрачны, акции были ликвидным финансовым активом. На самом деле именно ликвидность акций объясняет возникновение «пузыря» Компании Южных морей 1720 г.

Работоторговля после заключения Раштадского мирного договора 1714 г. шла посредственно, а в 1718–1720 гг. последовала новая война с Испанией – все активы в Новом свете были потеряны, и перспектива получения прибылей от работоторговли исчезла. В этой ситуации ряд обстоятельств предопределили созревание «пузыря» Компании Южных морей. Два из них можно определить как внешнеполитические. Первое – неудачная попытка в марте 1719 г. Старого Претендента Джеймса Стюарта высадиться в Шотландии. Якобиты потерпели поражение в битве при Глен Шил 10 июня 1719 г., а уже в июле 1719 г. Компания Южных морей начала кампанию по распространению слухов о том, что Претендент схвачен, и всеобщая эйфория вызвала рост цены акций Компании Южных морей со 100 ф. ст. до 114 ф. ст. Здесь фиксируется старт роста стоимости акций Компании. Вторым немаловажным обстоя-

ательством стал крах в мае 1720 г. Королевского банка Франции, созданного Дж. Ло, и схлопывание к концу 1719 г. другого французского проекта этого шотландца – Миссисипской компании, что обеспечило ощутимый прилив капиталов в Британию.

Другие обстоятельства были срежиссированы самой компанией и имели исключительно организационный характер. Главным и решающим обстоятельством было получение права на проведение государственного займа 1719 г. [7, р. 498–499; 20, р. 22–24]. Можно сказать, что это обстоятельство было решающим – наконец-то обслуживание государственного долга попало в руки Компании Южных морей. Кроме того, Компания отказалась заранее устанавливать номинальную сумму акций, подлежащих обмену на акции по государственному долгу, поэтому любое повышение цены акций выше номинальной стоимости в 100 ф. ст. уменьшало количество акций, необходимых для конвертации непогашенного государственного долга.

Ожидаемое повышение цены акций предоставляло Компании средства для увеличения дивидендов. К тому же позже выяснилось, что в своем стремлении обеспечить прохождение схемы через парламент Компания фактически предоставила опционы ключевым министрам правительства, 40–50 членам парламента и лицам, тесно связанным с короной, тем самым гарантируя, что у этой влиятельной группы также будет сильное желание увидеть рост цены на акции [22, р. 235]. При реализации схемы конвертации долга Компания занималась тем, что скептически настроенный член парламента Хатчесон назвал «искусным управлением духом азартной игры» [24, р. 64]. Был использован ряд приемов, чтобы выпустить как можно больше акций и одновременно взвинтить на них цену [7, р. 129]. Благодаря этим ухищрениям акции Компании Южных морей выросли со 130 ф. ст. до 600 ф. ст. с февраля по май 1720 г. Этот вертикальный взлет продолжился и в следующем месяце. Цена акций превысила 800 ф. ст. в июне 1720 г. 23 июня Компания закрыла свои бухгалтерские книги на два месяца, чтобы обработать дивиденды середины лета, и цены в течение этого периода фактически достигли наивысшей цены. Самая высокая цена (1050 ф. ст.) была зафиксирована 25 июня 1720 г., но, когда книги были вновь открыты, цена упала до 820 ф. ст. После этого и акции Компании резко упали в цене – до 520 ф. ст. в середине сентября, 290 ф. ст. в начале октября и 170 ф. ст. 14 октября 1720 г. «Пузырь» лопнул.

По оценке исследователя П. Гарбера, рыночная капитализация Компании Южных морей на конец августа 1720 г. составляла 164 млн ф. ст., что было примерно в 5 раз больше материальных чистых активов Компании [25, р. 52]. После того как «пузырь» лопнул, в декабре 1720 г. парламент подтвердил обязательный характер контрактов Компании: «все подписки на государственные долги и обременения,

а также другие контракты, заключенные Компанией Южных морей, на основании закона, принятого на прошлой сессии, остаются в нынешнем состоянии, если только они не будут изменены для облегчения ... собственников ... или отменены в соответствии с установленными законом нормами»². В результате возбужденного парламентского расследования было выявлено широко распространенное мошенничество среди директоров Компании и коррупция в кабинете министров. Среди замешанных были канцлер казначейства, министр почт, министр департамента Южных морей и лидеры вигов – лорд Стэнхоуп и лорд Сандерленд. Всем было предъявлено обвинение в коррупции. Канцлер был заточен в тюрьму как виновный в «самой печально известной, опасной и позорной коррупции». Директоры компании были сурово оштрафованы, все их поместья и средства были экспроприированы. Ответственность за акции Компании Южных морей была разделена между Банком Англии и Ост-Индской компанией.

Исследование событий «пузыря» Компании Южных морей, предпринятое Адамом Андерсоном еще в XVIII в., остается авторитетным источником для анализа этого события [26, р. 91–126]. Суть его выводов – в том, что правительство было подкуплено советом директоров Компании, чтобы позволить им одурачить держателей акций текущего государственного долга. Именно этого вердикта придерживался Роберт Уолпол, который возглавил расследование краха Компании и, по существу, в дальнейшем закрепил сходную практику обслуживания государственного долга на протяжении более чем двадцатилетнего периода своего премьерства (1720–1742). Все последующие историки разделяли эту точку зрения с акцентом на различных обстоятельствах этого дела: на политических интригах того времени, общей коррумпированности правительства, особенностях Компании Южных морей и влиянии международной спекулятивной лихорадки. И сегодня нет сомнений в том, что этот эпизод включал как мошенничество со стороны директоров Компании, так и повсеместную коррупцию высокопоставленных чиновников, фаворитов двора и членов парламента.

Отклики современников. «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли» (1719) Д. Дефо

Наконец, третий аспект темы – реакция современников на возникновение новой финансовой элиты. Новое поколение государственных деятелей и мыслителей эпохи Реставрации обратило внимание на необходимость административно-экономической реконструкции королевства и увеличения национального богатства. Поколение, приветствовавшее Карла II в мае 1660 г., живо интересовалось этими вопросами и связанными с ними новыми науками – физикой и математикой. Это был век создания Королевской

² The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. In 36 vols. London: Printed by T. C. Hansard [etc.], 1806–1820. Vol. 7. P. 680.

академии наук. Это было поколение Уильяма Петти, Роберта Бойля, Джона Локка, Кристофера Рена, Исаака Ньютона, статистика Грегори Кинга, экономиста Чарльза Давенанта, астронома Эдмунда Галлея и мн. др. Это было время ошутимого расширения торговли с новыми плантациями в Вест-Индии и Северной Америке и беспокойного духа технических изобретений среди ученых и торговцев Лондонского Сити, а также борьбы за экономическое превосходство с голландцами в стремлении стать «мастерской мира». Подразумеваемая философия, стоящая за этим, заключалась в том, что богатство – это хорошо и может быть заработано талантом и упорным трудом, и что при разумном государственном планировании и поощрении людей, стремящихся к собственному благу, будет обеспечено богатство и процветание своей страны [7, р. 6].

Это поколение и в значительной степени следующее столкнулось, как можно предположить, с непредвиденными обстоятельствами господства финансовой олигархии в виде тесной смычки верхушки аристократии с финансистами Лондонского Сити. За тридцать лет правления Вильгельма Оранского произошло складывание вторичного рынка ценных бумаг как следствия монетизации экономики, с одной стороны, и небывалого притока денежных средств в страну в результате мировой посреднической торговли – с другой. Эти обстоятельства задали формирование новой ценностной шкалы. Богатство человека стало измеряться его годовым доходом. Проницательные современники не были удивлены. Джордж Беркли писал: «События компании Южных морей... не есть какое-то неожиданное зло, или великий источник наших несчастий, нет, это естественный эффект тех принципов, которые в течение многих лет про-пагандировались»³. Вопрос не в том, что ростовщичество в Англии не было до этого, а в том, что произошла взаимовыгодная смычка правительства с воротилами финансового рынка, а значительная часть населения оказалась втянута в финансовые игры.

Обратимся к еще одному проницательному современнику событий начала XVIII в., уроженцу Сити, дважды пережившему свое полное финансовое банкротство – Даниэлю Дефо. Еще накануне краха Компании Южных морей в 1719 г. он анонимно опубликовал эссе «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли», где достаточно точно воспроизвел атмосферу этого «переулка обмана». Exchange Alley была узкой извилистой улочкой в центре Сити, соединяющей Корнхилл и Ломбард-стрит. Она была местом оживленной торговли акциями. Здесь-то и вершилось зло обмана. Д. Дефо писал: «Всеобщее возмущение биржевой спекуляцией таково, и люди так долго и так справедливо жалуются на нее как на нарушение общественного порядка; и что еще

хуже, так долго не находят правовой защиты, что спекулянты, закоренелые в своем преступлении, в конце концов перешли всякие границы, и если даже спящее правосудие проснется и обратит на них свое внимание, и если даже этого не произойдет прямо сейчас, эти вездесущие творения, неутомимые в своих интересах, добьются того, что правительству рано или поздно будет абсолютно необходимо вычистить их»⁴.

Автор эссе прямо заявляет о своей позиции: «Я знаю, что они открыто смеются над всем этим, и имею достоинство полагать, что есть средства обуздать их». Один из воротил этого бизнеса открыто заявил автору эссе, что, может быть, кто-то в парламенте и хотел бы с ними расправиться, но как они это будут делать? «Это невозможно, – сказал он, – если правительство берет кредит, эти средства поступают на рынок; а пока есть рынок, мы будем покупать и продавать; в мире нет более действенного способа обуздать нас, – сказал он, – кроме одного, а именно: правительство должно сначала выплатить все государственные долги, вернуть все займы, расторгнуть все хартии (Банка Англии, Компании Южных морей и Ост-Индской компании) и ничего не покупать на доверии, и тогда, говорит он, им не нужно будет вешать биржевых маклеров, потому что они сами будут склонны повеситься» (р. 2). Его оппонент, автор эссе, замечает: «я далек от мысли, что это единственный способ [решения проблем правительства] – иметь дело с бандой ростовщиков, которые "заложили под процент" целую Нацию и держат кошельки бедных и богатых в своих руках и могут открывать и закрывать их, когда им это заблагорассудится» (р. 3).

Д. Дефо смело выносит обвинительный приговор этим финансистам, называя преступлением заработать деньги на обмане. «Анатомия» обмана выглядит следующим образом. Эти «продавцы воздуха» вводят в заблуждение потенциальных вкладчиков ложными слухами, создавая ажиотаж вокруг акций той или иной компании. Они действуют в сговоре, быстро, напористо и являются негодяями хуже, чем разбойники с большой дороги: «Разве я не слышал от Т.В.В.О. и J.S. тысячу раз, как они говорят, что знают, что их занятие является разновидностью грабежа... и отличается только двумя обстоятельствам, во-первых, по степени [грехопадения], (а именно) их [грабеж] в десять тысяч раз хуже, так как он более безжалостный, более бесчеловечный, совершаемый без всякой на то необходимости и направленный против отцов, братьев, вдов, сирот и близких друзей; во всяком случае разбойники, как правило, испытывают угрызения совести и под воздействием принципов человечности и великодушия останавливаются и решают охотиться только на незнакомцев; во-вторых, в опасности, они грабят открыто; разбойники грабят с максимальным риском

³ The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne. In 9 vols, ed. by A. A. Luce, T. E. Jessop. London; Edinburgh, 1953. Vol. 5. P. 84.

⁴ Defoe D. The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing. London: Printed for E. Smith, 1719. [2]+64 p. Далее в скобках при выдержках из книги приведены страницы, на которых они расположены.

для своей жизни, уверенные, что их повесят первыми или последними, в то время как эти рискуют потерять свою репутацию, которая на самом деле обычно уже потеряна, когда они вышли на этот рынок, и свои души, пустяк, о котором не стоит и упоминать» (р. 8–9).

«Разве доктрина биржевой спекуляции не является всецело наукой мошенничества, а торговцы акциями попросту настоящие воры и карманники?» (р. 8) – вопрошает Д. Дефо. Вводить в заблуждение, открыто лгать, щедро раздавать обещания получить хорошие деньги на разнице курсов и в конце концов оставить вкладчика с носом – вот тактика этих «ловкачей», которые сколачивают на биржевой игре баснословные состояния. На вершине этой пирамиды, по мнению Д. Дефо, «выдающийся триумvirат воровства»: «С» (Дж. Косуэлл), «S» (Дж. Соубридж) и «Т» (Э. Тернер). Эти три «столичных шулера Великобритании» держат мошенников меньшего масштаба в своей узде: «Обменная аллея наводнена евреями, джобберами и брокерами, у которых нет имен, их облик отвратителен, как и их работа» (р. 41). Богатство этой «банды разбойников и мошенников» определяется «ценой жизни каждого человека, которого они в состоянии надуть» (р. 38).

В текущей историографии посчитано, что игроков, которые имели 15 и более сделок, было примерно 50 человек. Из них 15 человек совершили более 30 сделок в качестве покупателя и столько же в качестве продавца [19, р. 10]. Автор показывает, как эта «банда» не только охотится за кошельками отдельных людей, но и залезла в государственную казну и использует правительство. Здесь они тоже действуют искусно, вступая в сделку с государственными деятелями, которые оказываются в сговоре с ними, чтобы «обокрасть народ». Герцоги, по сути, превращаются в биржевых спекулянтов, пишет Д. Дефо. Во-первых, сделки по акциям государственных лотерей и займов начинаются еще до утверждения их парламентским актом. Во-вторых, маклеры делают деньги на политических новостях (о восстании якобитов, вторжении испанцев и т. п.), распространяя ложные слухи, поэтому в Обменном переулке только и слышно: «Джентльмены! Позаботьтесь о своих карманах». И когда политические новости покупаются и продаются – это уже опаснее, чем внешний враг, это опаснее, чем чума.

Дефо определяет этих «друзей правительства» как врагов нации, короля Георга и называет их изменниками родины⁵. Когда мы «видим, как государственные деятели превращаются в торговцев, и люди чести опускаются до хитрых проделок; видим человека в Офисе – утром, в Парламенте – в полдень, в Кабинете – ночью, а в промежутках между ними в Обменном переулке, что это – новый феномен? Какие фатальные вещи могут предсказать эти "сияющие звезды" ... государству и обществу; ибо, когда

государственные деятели превращаются в спекулянтов (Jobbers), государство может быть ограблено» (р. 42). Взятничество царит в министерствах, парламенте и кабинете министров: подкупаются конкуренты, вознаграждаются сторонники, и так обеспечивается победа на парламентских выборах. «Ничто не может быть более фатальным в Англии для нашей нынешней конституции, а со временем может стать таковым для нашей свободы и религии, чем обмен интересов на выборах в парламент – на деньги (Elections Jobb'd upon Exchange for Money) и перевод их в акции Ост-Индской компании, – в интересах тех, кто предлагает больше всего» (р. 48). «Биржевые спекулянты, которым нет дела ни на фартинг до того, какая сторона одержит верх, сделает добычей их обоих, развивая этот новый вид спекуляции на выборах» (р. 50).

Заключение

Проведенный анализ, казалось бы, подталкивает нас к оценке А. Смита меркантилизма как «заговора торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества». Сейчас уже можно сделать уточнение в отношении количественного измерения данного «торгового меньшинства» – это единицы, примерно около полусотни человек. Здесь есть своя «верхушка». Это жестокий мир, где отсутствует мораль и господствует Маммона – демон, олицетворяющий богатство, алчность и стяжательство. Впоследствии Чарльз Диккенс воплотит образ такого человека в повести-сказе «Рождественская песнь» – Эбенезере Скрудже. Еще одно важное уточнение – финансовый рынок в начале XVIII в. не только имел влияние на парламентские выборы и находящиеся у власти политики, но уже определял политическую конъюнктуру. Что же касается политической элиты, то «узок круг этих революционеров» – действующий кабинет министров и его клиента. Правительство оказалась связанным «арканом» государственного долга, а значит вынуждено было считаться с интересами Лондонского Сити. Этот расклад получил свое классическое воплощение в эпоху Роберта Уолпола, закрепившегося у власти на последующие двадцать с лишним лет после краха Компании Южных морей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления:

⁵ Ibid. P. 22–24.

Идея "Общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00488 "Crisis of values and coping

strategies: The idea of the "Common Good" in the intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)".

Литература / References

1. Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2014, 865.
2. Piketty T. *Capital and ideology*. Cambridge: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020, 1104.
3. Smith A. Of system of political economy. *The wealth of nations*. Amsterdam: MetaLibti, 2007, 327–535.
4. Magnusson L. G. Mercantilism. *A companion to the history of economic thought*, eds. Samuels W. J., Biddle J. E.; Davis J. B. London: Blackwell Publishing Ltd, 2003, 46–61.
5. Heckscher E. F. *Mercantilism*. London: George Allen & Unwin, 1935, vol. 1, 497.
6. Wilson C. *England's apprenticeship, 1603–1763*. London: St. Martin's Press, 1965, 413.
7. Dickson P. *The financial revolution in England: a study in the development of public credit, 1688–1756*. London-N. Y.: Routledge, 2016, 580.
8. Davis R. English foreign trade 1660–1700. *Economic History Review*, 1954, 7(2): 150–166. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.1954.tb01521.x>
9. Dowell S. *A history of taxation and taxes in England*. London: Cornell University Library, 1888, vol. III, 309.
10. Jones J. R. *Country and court: England, 1658–1714*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978, 377.
11. Beckett J. V. Land tax or excise: the levying of taxation in seventeenth- and eighteenth-century England. *The English Historical Review*. 1985, 100(395): 285–308.
12. Paterson W. *A brief account of the intended Bank of England*. London: Printed Randal Taylor, 1694, 18.
13. *The correspondence of John Locke*, ed. de Beer E. S. Oxford: Oxford University Press, 1979, vol. 5, 798.
14. Stephens T. A. *A contribution to the bibliography of the Bank of England*. London: Forgotten Books, 1979, 220.
15. Giuseppi J. *The Bank of England: a history from its foundation in 1694*. London: Evans Bros, 1966, 244.
16. Wallerstein I. *The Modern World-System II. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750*. Los Angeles: University of California Press, 2011, 370.
17. Hill B. W. *Robert Harley: speaker, secretary of state and premier minister*. New Haven: Yale University Press, 1988, 320.
18. Ивонина Л. И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
19. Ivonina L. I. *Duke of Marlborough. Man, commander, and politician*. Moscow: Lomonosov, 2019, 264. (In Russ.)
19. Thompson E. P. *Whigs and Hunters: the origin of the Black Act*. N. Y.: Pantheon, 1975, 312.
20. Neal L. *The rise of financial capitalism: international capital markets in the Age of Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 278.
21. Carswell J. *The South Sea Bubble*. London: Cresset Press, 1960, 314.
22. Dale R. S., Johnson J., Tang L. Financial markets can go mad: evidence of irrational behaviour during the South Sea Bubble. *Economic History Review*, 2005, 58(2): 233–271. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2005.00304.x>
23. Carlos A., Neal L., Wandschneider K. *Dissecting the Anatomy of Exchange Alley: the dealings of stockjobbers during and after the South Sea Bubble*. Paris, 2007. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.495.3196&rep=rep1&type=pdf> (accessed 15 Mar 2022).
24. Hutcheson A. *Collection of calculations and remarks relating to the South Sea scheme and stock, 1720*. Gale Ecco, 2018, 132.
25. Garber P. M. *Famous First Bubbles: the fundamentals of early manias*. Cambridge-London: MIT Press, 2000, 176.
26. Anderson A. *An historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts*. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1967, vol. 3, 508.